

ПОЯВЛЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СУБЪЕКТА ПРАВА В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА И В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Современный теоретико-правовой дискурс отличается двойственностью в части теории субъекта права. С одной стороны, субъект права, как правило, отождествляется с человеком, обладающим дееспособностью и правоспособностью. С другой стороны, существует обилие подходов к определению субъекта права. Его определяют как сумму правовых связей, как представление, как волю. Такая ситуация отвечает требованиям идейного плюрализма, но вызывает трудности с точки зрения принципа правовой определенности. Для выделения четких критериев субъекта права целесообразно обратиться к пограничным ситуациям его возникновения и исчезновения. Для этого разумно изучение темы с помощью обращения к авторитетным положениям римского права и сравнение таких положений с положениями современной правовой системы. На основе проведенного анализа появления и исчезновения субъекта права выделяются критерии субъекта права, применимые в новых динамично развивающихся в связи с внедрением современных технологий правоотношениях.

Ключевые слова: субъект права, лицо, доброе имя, насцитурус, сокращенный субъект, правосубъектность.

Malyshkin S.P.

THE SUBJECT OF LAW APPEARANCE AND DISAPPEARANCE IN ANCIENT ROMAN LAW AND CONTEMPORARY RUSSIAN LAW

Annotation. Modern legal theory discourse is characterized by a duality in terms of the theory of the subject of law. On the one hand, the subject of law is usually identified as a person who has legal capacity. On the other hand, there is an approaches abundance to define the subject of law. It can be defined as the sum of legal relations, as an impression, as a will. This situation meets the requirements of ideological pluralism, but causes difficulties in terms of the principle of legal certainty. To identify

* Магистрант факультета права НИУ «Высшая школа экономики».

clear criteria for the subject of law, it is advisable to refer to the border situations of its appearance and disappearance. It is reasonable to study the topic by appealing to the authoritative provisions of Roman law and compare such provisions with ones of the modern legal system. The legal subject criteria are highlighted based on the analysis of the appearance and disappearance of the subject of law. They are applicable in new dynamically developing legal relations due to the introduction of modern technologies.

Keywords: *legal subject, person, reputation, abbreviated subject, nasciturus, legal personality.*

Любой вопрос о субъекте права, как о многомерном явлении, предполагает соответствующее сложное исследование, включающее в себя рассмотрение истории права, текущего законодательства, юридической доктрины, а также наблюдение, как его называл О. Эрлих, живого права¹.

Постановка вопроса о субъекте права стала возможной благодаря развитию философии права, энциклопедии права, появлению и формированию теории права. Наиболее операциональной и приближенной к юридической практике представляется теория права, основной импульс развития которой дал немецкий юрист А. Меркель². Однако, как отмечает С.И. Архипов, в настоящее время теоретико-правовая конструкция субъекта права в юридическом дискурсе представляет собой заимствование из цивилистической доктрины частнонаучных представлений о субъекте гражданско-правовых отношений. Аргументами к такому суждению служат возникающие в связи с этим трудности прикладного характера, как-то: использование частноправовых понятий физического и юридического лица в остальных отраслях права (например, применяемое в административном праве сборное из цивилистических категорий разного рода понятие «законный представитель юридического лица» в ст. 25.4 КоАП РФ), создание отраслевых субъектов права, сходных по своему значению с правовым статусом и представление субъекта права как человека³. В своей монографии Сергей Иванович приводит около десятка значений субъекта права, выработанных деятелями юридической науки, что, разумеется, позволяет сделать вывод о значительном исследовательском потенциале

¹ Эрлих 2011. 484.

² Горбань 2017. 18.

³ Архипов 2004. 8.

темы субъектов права. Особенно актуальным представляется применение названного потенциала по отношению к эталонной для европейской цивилизации правовой системе Древнего Рима в сравнении с ныне действующими правовыми нормами. А лучшим индикатором для верификации такого исследования являются ситуации появления и исчезновения субъекта права, так как линия, очерчивающая форму исследуемых явлений, лучше видна именно в пограничных обстоятельствах.

Общий анализ источников римского права непосредственно, а также исследований, посвященных правовой системе Древнего Рима, позволяет наметить ключевые категории, на которые целесообразно обратить внимание при исследовании появления и исчезновения субъекта права. Основными в числе таковых являются: *persona, caput, nomen, existimatio*. Причем представляется продуктивным обращение как к тем интерпретациям, которые придаются указанным терминам в правовой науке, так и к значению этих категорий как лексических единиц.

Для начала рассмотрим классическую точку зрения, связанную с категорией правоспособности, в соответствии с которой субъект права появляется с началом жизни человека и исчезает с его смертью¹. В данном случае начало и конец правосубъектности измеряют, имея в виду тело человека, но не его личность. В контексте этого вопроса знаменитой является дискуссия школ сабинианцев и прокулианцев о моменте рождения, которая, в свою очередь, связана с рядом дополнительных вопросов, в целом формирующих критерии признания живорожденным и приобретшим правосубъектность.

Так, в Кодексе Юстиниана (С. 6.29.3.1) указано, что, во-первых, для признания живорожденным следует использовать позицию сабинианцев (обращать внимание не только на крик, но и иные признаки, свидетельствующие о жизни). Во-вторых, что для признания правосубъектности необходимо «*perfecte natus*», со слов Ф.К. Савиньи², полное отделение от тела матери. В-третьих, следует обращать внимание также на форму тела новорожденного: для признания правосубъектным необходимо, чтобы форма тела не была монструозной или неестественной. Кроме того, как отмечает Г. Дернбург, новорожденный должен быть жизнеспособным, ссылаясь на фрагмент Кодекса Юстиниана С. 6.29.2, со-

¹ *Ibid.* 7–8.

² Савиньи 2012. 9.

гласно которому выкидыш не учитывается при распределении наследственных прав¹. Однако Ф.К. Савиньи во втором томе «Системы современного римского права» аргументирует обратную точку зрения на основе высказываний Плиния, Павла и Геллия². В любом случае, даже при доскональном определении всех качеств для признания правосубъектным, проблемным останется вопрос о nascитурасах – эмбрионах, учитываемых при распределении права на наследство. Являются ли они субъектами права?

С.И. Архипов, проанализировав существующие подходы к определению субъекта права, вслед за С.С. Алексеевым утверждает, что субъект права в общеправовом смысле – это цель и определяющий момент права³. И в этом смысле nascитурас является субъектом права, так как его интересы защищаются правом – он является для права целью, для чего и применяется фикция о нем как о равноправном субъекте наследственного права⁴. Однако это входит в противоречие с мнением Ульпиана (D. 50.16.161), в соответствии с которым не является малолетним (*impubes*) тот, кто находится в утробе. На первый взгляд кажется, что налицо противоречие: с одной стороны, лицо, являющееся субъектом права. С другой стороны – лицо, не признаваемое даже малолетним.

Такое противоречие может быть разрешено с помощью обращения к значению термина *persona*. С латинского приведенный термин переводится как «театральная маска»⁵, что указывает на нетождественность *persona* и человеческого тела, по которому и проходит измерение начала и окончания правосубъектности во взятой за основу модели правосубъектности. Поэтому-то абсолютно точно Ульпиан подмечает, что находящийся в утробе не является именно малолетним (*impubes*), а не персоной (D. 50.16.161). И даже в Институциях Гая (1.9) наблюдается смешение этих двух терминов: указывается, что основное разделение в праве лиц состоит в различении людей на свободных и рабов (*summa divisio de iure personarum haec est, quod omnes homines aut liberi sunt aut servi*). Отсюда видно, что в действительности понятие *persona* и человек следует разводить.

¹ Дернбург 1906. 130.

² Савиньи 2012. 400–405.

³ Архипов 2004. 105.

⁴ Дювернуа 1898. 296.

⁵ Дождев 1996. 252.

Подобно тому, как Р. Иеринг утверждал о том, что у субъекта должно быть «брюхо», логично было бы предположить, что если есть маска, то есть и голова, на которую эту маску надевают. В буквальном значении этого слова, «*caput*», головой является правоспособность. Отсюда и *capitis deminutio* – процесс, когда статус человека становится «на голову меньше» при утрате сообразных для умаления правоспособности атрибутов.

Примечательно, что «*caput*» в классическом римском праве имел не значение правоспособности, а значение человека, близкое к «персоне»¹. В связи с последним интересно положение субъекта, потерявшего статус свободного, то есть претерпевшего *capitis deminutio maxima*. Трудно противостоять против факта о приравнивании раба к манципируемой вещи, однако есть и в случае с рабом некоторое противоречие. Рабу предоставляется пекулий, за счет которого он совершает сделки в пользу своего господина. Не уходя в те случаи, когда раб становился шкипером на корабле или управляющим в торговом предприятии², отметим, что даже для совершения обычной сделки от имени господина за рабом признавалась возможность совершения юридического действия от чужого имени. В.А. Белов отмечает, что такого рода действия являются реализацией чужой правосубъектности³. Однако для реализации чужой правосубъектности необходимо быть наделенным такой возможностью. Соответственно, предоставляя возможность реализации чужой правоспособности, право определяет, что рабы могут совершать такие юридически значимые действия⁴.

Подобным образом Д.И. Мейер описывает положение ссыльного в имперской России, который находился в сходном состоянии гражданской или политической смерти. Однако как отмечает Дмитрий Иванович, «он не перестает быть субъектом права: поселенцы в Сибири могут приобретать имущество, могут передавать его своим наследникам, кое-какие вещи ссыльные обыкновенно берут с собой и признаются собственниками этих вещей; жена, дети могут следовать за ссыльным, и лишенный всех прав признается мужем и отцом, личность его охраняется от насилия».

¹ Дождев 1996. 248–249.

² Новицкий 2020. 70–72.

³ Белов 2015. 107.

⁴ Хвостов 1898. 162–164.

я»¹. В приведенном описании имеются сходные очертания с положением раба. Имущество ссыльного схоже с пекулием у раба. Раба признают родителем. Имеются правовые средства для охраны раба от насилия, хотя как имущества господина. К слову, и в праве Российской Империи недалеко ушли те времена, когда идея собственности на тело подданного, положенная в основу Артикула Воинского и других охранительных источников права XVIII в., означала охрану личности именно как государственного ресурса². Нерешенным остается вопрос о возможности раба быть наследодателем. В традиционном имущественном смысле ситуация остается однозначной. Однако, как это бывает и с правами состояния, которые, по терминологии Свода законов Российской Империи «сообщают»³, раб сообщает свое положение своему потомству.

Все вышеперечисленные юридические возможности касаются лица, подвергнутого *capitis deminutio maxima*, то есть раба, наводят на мысль, что даже удаление всех «голов» не умерщвляет юридического актора несмотря на утверждения об уничтожении личности через институт умаления правоспособности⁴. Хотя *caput* отсутствует, *persona* раба присутствует, о чем свидетельствуют в том числе *Inst. Gai.* 2.187, 1.17. В связи с этим остается вопрос об основании существования *persona* в таком случае. Судя по упомянутому фрагменту *Inst. Gai.* 1.17 можно отметить, что персона может складываться из возраста и принадлежности к юрисдикции (например, праву квиритов по смыслу фрагмента). Однако упомянутые признаки представляются опциональными. Например, во втором из упомянутых фрагментов такие указания отсутствуют. Представляется, что обязательным элементом, без которого *persona* действительно пропадает и который является настолько очевидным, что в большинстве случаев становится опущенным в юридических текстах, является имя.

Как отмечает Н.Л. Дювернуа, господствующий тип конкретного гражданского правоотношения – именной. И во всех актах *драмы* под названием «цивильный обмен» лицо фигурирует с особым, связанным с его индивидуальностью именем, прозва-

¹ Мейер 1861. 83.

² Мальшкин 2020. 505.

³ Канторович 1911. 30–31.

⁴ Дернбург 1906. 134.

нием или фирмой¹. Такое положение проясняет ситуацию в дискуссионных вопросах о субъекте права. Например, вопрос о сущности лежачего наследства (*hereditas jacens*): является ли оно целевым имуществом – бессубъектными правами или составляет продолжение личности наследодателя. Особенно интересна в данном случае первая позиция. Так, В.М. Хвостов, придерживающийся точки зрения о бессубъектных правах, критикует концепцию целевого имущества А. Бринца за допущение «слишком широкого объема возможности существования бессубъектных прав»². Однако здесь налицо противоречие. Независимо от того, расширен ли количественно предмет воздействия идеи бессубъектных прав или он применен в меру, качественно конституируется существование прав без субъекта. Такое положение представляется алогичным по двум причинам. Во-первых, по прямому указанию Ульпиана (D. 41.1.34), что наследство представляет собой не личность наследника, а личность умершего. Во-вторых, происходит отрицание существования человека и его интересов, как будто умерший никогда и не был субъектом права. И для разрешения этого противоречия разумно обратиться к имени как к основе правосубъектности. Имя позволяет закрепить, что лежачее наследство не возникло из ниоткуда, оно явилось результатом гражданско-правовых сделок по его приобретению субъектом права. И даже тогда, когда его примет наследник, способ приобретения права собственности будет производным, а не первоначальным: имущество будет принято от существующего субъекта права, хотя более и не правоспособного.

Что же касается насцитурусов, то они по тем же соображениям являются субъектами права. Такое суждение, на первый взгляд, имеет слабое место: имя как раз у такой юридической фигуры отсутствует. Подкрепить выдвинутую позицию можно с помощью указания на содержание понятия «имя», которое, как было отмечено выше, включает в себя также и понятие «прозвания»-прозвища, в которое включается смысл обращения к уже существующему. То есть знание и упоминание о том, кто родится в будущем, уже есть утверждение о наличии интереса у такого лица, которым, однако, он сам сможет воспользоваться только в ближайшем будущем. Такая интерпретация корреспондирует с объяснением С.И. Максимовым концепции правовой реально-

¹ Дювернуа 1902. 393–394.

² Хвостов 2020. 124.

сти. Он утверждает, что «ценностно-значимый акт признания есть то, что конституирует «клеточку» права». И далее: «Способность к признанию является собственно правовой способностью, делающей право возможным»¹.

И хотя право на имя было оформлено лишь в эпоху Нового времени, положения, которые бы сейчас назвали существующими для защиты права на имя, были и в Древнем Риме по указанным выше обстоятельствам. Например, *Каллистрат* (D. 50.10.7.1) сообщает, что лицо, вызвавшееся выполнить работы по украшению здания по воле народа с условием оставления своего имени, должен оставить и имена тех, кто это здание строил. Здесь же разумно упомянуть и о праве на защиту доброго имени, также относящемуся к достояниям Нового времени и также обнаруживаемом в римском праве. Например, по Марциану (D. 40.15.1.1) устанавливался запрет на пересмотр статуса умершего, если это нанесет ему вред. Однако пересмотр возможен, если это улучшит его положение в соответствии с мнением Гермогениана (D. 40.15.3). В этих примерах и проявляется связь гражданской чести *existimatio* как предпосылки для существования продолжающегося за пределы жизни тела человека *доброго имени*.

Подведем итог. В вопросе о появлении и исчезновении субъекта права следует разводить категории правоспособности и правосубъектности, так как моменты их появления и исчезновения не совпадают. Существует позиция, согласно которой правосубъектность является суммой правоспособности и дееспособности. Однако, так как правоспособность увязана с жизнью тела, по приведенным основаниям становится некорректным определение правосубъектности через правоспособность. Определяющим для правосубъектности являются не категории *persona* или *caput*, а категория имени, потому что главным образом через имя может быть осуществлено признание – основополагающий в праве процесс, создающий материю правовой реальности.

Из описанного выше следует, что операциональными критериями для отождествления субъекта права являются, во-первых, признание рассматриваемого объекта целью и актором права. Во-вторых, наличие правовых норм, предназначенных для обеспечения такого статуса у признаваемого. Обратимся теперь

¹ Постклассическая онтология права 2016. 151.

к современному российскому законодательству и используем выведенные из положений римского права идеи.

По поводу идеи имени как решающем элементе правосубъектности существует следующая позиция: «С фактом регистрации имени фактически связано признание государством появления нового субъекта права»¹. Однако здесь допускается та же ошибка. Если имя регистрируется за кем-то, то он уже является субъектом права, так как именно для него такие правовые положения и созданы.

В условиях развившихся науки и техники древнеримский термин «*nasciturus*» становится более широким по своему содержанию, так как остро начинают становиться вопросы о защите эмбрионов. В пример можно привести имевшую место ситуацию перевозки замороженных эмбрионов через границу РФ для реализации в качестве товара в косметологических организациях². Являлись ли такие эмбрионы субъектами права в данном случае? Если являлись, то чем такое состояние субъекта отличается от объектного состояния? Проблемой в данной ситуации является отсутствие одного из выведенных критериев субъекта права – правовых норм, оформляющих признание за эмбрионами статуса цели и актора права. Полагаю, что на этот вопрос также имеется ответ в теоретико-правовых разработках. Так, В.Н. Дурденевский, раскрывая ныне редко обсуждаемую в научной литературе категорию рефлекса права, указывает на дестинаторов рефлекса права – сокращенных субъектов права, названных таковыми в силу особых качеств их личности: рабов в Древнем Риме, животных и ограниченных в дееспособности³. На тех же основаниях корректно включить эмбрионов в этот перечень сокращенных субъектов. Вторым аргументом за правосубъектность эмбрионов будет восприятие охраны таких субъектов как цели, а не как средства по приведенной выше позиции С.И. Архипова.

В случаях с исчезновением субъекта права возникают похожие ситуации. Для примера обратимся к законодательству о государственных наградах. Государственные награды, входящие в государственную наградную систему Российской Федерации, не наследуются, а передаются *на хранение* в соответствии с п. 47 и 47.1 Указа Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 и ст. 37

¹ Михайлов 2006. 10–14.

² Рыжова 2018. 72–73.

³ Дурденевский 1918. 79–82.

Указа Президиума ВС СССР от 3 июля 1979 г. № 360-Х¹. Это предоставляет еще одно преимущество в пользу точки зрения о существовании субъекта права даже после смерти тела такого лица. Обладатель такой награды не как человек, а как субъект права является участником указанных правоотношений, ведь хранение – это двусторонняя сделка. Эта позиция отражена в Постановлении КС РФ от 27.02.2020 № 10-П: «Публично-правовой институт государственного поощрения предполагает, что правовой статус награжденного, по общему правилу, носит постоянный – непередаваемый и неотчуждаемый – характер». Там же: «... Знак этой награды (например, орден, медаль), выступающий ее материальным воплощением и подтверждающий (наряду с удостоверением к ней) правовой статус награжденного...»². Таким образом, знак продлевает юридическую личность награжденного. В данном случае имеет место правоотношение с тем же продолжающимся субъектом права, как в случае с собственником лежачего наследства до того, как его приняло государство или муниципалитет (усопшим человеком, но существующим субъектом права).

Последнее утверждение закономерно порождает вопрос: до каких пределов распространяется существование субъекта права после смерти тела человека? Существует два решения этой юридической задачи. Первое, исключительное решение – субъект права существует бессрочно. Но только для некоторых правовых статусов – автора и награжденного государственной наградой. Аргументами для такого тезиса являются положения ст. 1267 ГК РФ³, устанавливающие бессрочную защиту имени автора (а значит, и его *persona*), и приведенные нормы наградного

¹ Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Рос. газ. 2010. – № 207; Указ Президиума ВС СССР от 3 июля 1979 г. № 360-Х «Об утверждении общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28, ст. 479

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Рос. газ. 2020. № 51.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: (по сост. на 31.07.2020) от 18.12.2006 № 230-ФЗ / Российская Федерация. Законы. // Рос. газ. 2006. № 289.

права, в соответствии с которыми правовой статус награжденно-го носит постоянный характер. Второе решение – субъект права существует до тех пор, пока в правовых операциях значится его имя. Таким образом, субъект прекращает свое существование, когда для действующего права не имеют более значения совершенные им юридически значимые действия. Такое случается, например, когда об усопшем забывают (не защищают его «доброе имя»), когда его обязательства исполнены, наследственная масса распределена, и нет иных правоотношений, в которых бы имело значение присутствие его персоны. В последнем случае кардинально изменяют ситуацию аккаунты в сети Интернет.

Учетная запись пользователя в сети Интернет является тем же, чем является тело человека в физическом мире, потому что и то и другое представляет собой форму и средство действия субъекта в однородной телу среде. Из этого следует, что наличие цифрового тела в общем или приближенном к такому масштабу доступе открывает узел правоотношений имущественных и неимущественных по аналогии с обычным телом, хотя для обычного тела время и локация таких правоотношений существенно более ограничены. Так, после смерти человека открывается возможность, во-первых, изъятия органов у трупа для трансплантации в силу презумпции согласия данного лица или его близких родственников изъятия органов¹. Во-вторых, открывается возможность бесчестящих действий, что предусмотрено в ст. 244 УК РФ. В случае же с цифровым телом возникает аналогичная ситуация: во-первых, встают вопросы собственности на учетную запись, особенно если в эту учетную запись интегрирован платный контент (доступ к фильмам, аудиозаписям, платный инвентарь в игровых аккаунтах и т.п.). Во-вторых, открывается доступ для бесчестящих действий с этим аккаунтом для широкой аудитории (например, оставление порочащего комментария на стене или в ленте этого профиля, когда такой параметр включен) и, соответственно, их правовой защиты. В-третьих, в силу специфики цифрового тела, открываются вопросы доступа к информации, воспользоваться которой может только пользователь этой страницы (личная переписка и т.п.). В сумме, аккаунт выходит за рамки определенных выше границ субъекта права и приравнивает юридическое бессмертие авто-

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. № 263.

ров и награжденных лиц и не являющихся ими физических лиц – пользователей интернет-ресурсов.

Лекарством от такого цифрового бессмертия и всех вытекающих из него правовых обстоятельств, является удаление аккаунта администратором сети после смерти пользователя. Вопрос «умерщвления» аккаунтов получил законодательное отражение во Франции. Так, Закон Франции № 2016–1321 от 7 октября 2016 г. «О цифровой республике» закрепил право на цифровую смерть, опираясь на положение которого лицо может выразить обязательное для третьих лиц и администраторов интернет ресурсов волеизъявление по удалению своего аккаунта или информации в нем¹.

Связанным с вопросом об аккаунтах в сети Интернет и также обсуждаемом в научном сообществе является вопрос о том, являются ли юниты искусственного интеллекта субъектами права². Отметим, что рассуждения, посвященные этому вопросу, признают сходство юнитов искусственного интеллекта и людей. Однако, признание сходства имплицитно указывает на автономность и самостоятельность сравниваемых объектов, существование базовых отличий. И вот из таких отличий самым заметным для исследований субъектов права становится отсутствие волевого критерия – третьего критерия, дополняющего вышеперечисленные и в сумме с ними предоставляющего полный инструментарий для идентификации субъектов права. Так, без этого критерия станут бесполезными значимые правовые формы: заключение сделок, требующих единства воли и волеизъявления, юридическая ответственность, настроенная на изменение волевой направленности. Поэтому, именно по его наличию или отсутствию возможно корректно ответить на вопрос о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта. Хотя в настоящее время технологии такому критерию не отвечают, но для правового измерения новых разработок он является весьма полезным.

На протяжении нашего исследования нам удалось выявить следующие критерии субъекта права. Первое – признание объ-

¹ Статья 63 Закона Франции № 2016-1321 от 7 октября 2016 // Сайт публикации французского законодательства «Legifrance». URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000033203260?r=BptAiAasMZ (дата обращения: 28.10.2020).

² *Морхат* 2018. 7–9.

екта целью и актором права. Второе – наличие правовых норм, предназначенных для обеспечения статуса цели и актора у признаваемого. Третье – наличие воли. В соответствии с последним субъект может быть актором объективного права: использовать субъективные права, исполнять обязанности, нести юридическую ответственность. Предполагаем, что указанные критерии применимы как в ретроспективных исследованиях, так и при оценке новых динамично развивающихся в связи с внедрением современных технологий акторов правоотношений.

Список литературы:

1. *Архипов С.И.* 2004. Субъект права: теоретические исследования. СПб.: юрид. Центр-Пресс. 466 с.
2. *Белов В.А.* 2015. Гражданское право. Т. 2 в 2 книгах. Общая часть. Лица, блага, факты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 950 с.
3. *Горбань В.С.* 2017. «Общее учение о праве» А. Меркеля как «эвтанизия» философии права и ее идейные истоки // Право и политика. № 11. С. 17–28.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: (по сост. на 31.07.2020) от 18.12.2006 № 230-ФЗ / Российская Федерация. Законы. // Российская газета. 2006. № 289.
5. *Дурденевский В.Н.* 1918. Субъективное право и его основное разделение // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г.В. Вернадского. Пермь. Вып. 1. С. 66–101.
6. *Дювернуа Н.Л.* 1902. Чтения по гражданскому праву заслуженного профессора С.-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа. Т. 1. Введение и часть общая. (Вып. 2. Лица. Вещи). 4-е изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 434 с.
7. *Дювернуа Н.Л.* 1898. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение и часть общая. Вып. 1. 3-е изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 320 с.
8. Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.
9. *Канторович, Я.А.* Законы о состояниях : свод законов Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг. : с разъяснениями, извлеч. из: Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г. [и др.] / Сост. Я.А. Канторович. – 2-е изд., значит. доп. – СПб. : Изд. Юрич. кн. склада «Право», 1911. – 1032 с.
10. *Мальшикин С.П.* 2020. Соматическое и виртуальное воплощение физического лица: юридический вопрос принадлежности // Сборник материалов Международной научной студенческой конференции

«Право, общество, государство: проблемы теории и истории» / отв. ред. С.Б. Зинковский, Е.Н. Трикоз. М.: РУДН. С. 503–507.

11. *Мейер Д.И.* 1861. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей под редакцию [и с предисловием] А. Вицына / под ред. А. Вицына. СПб: Тип. Н. Тиблена. Т. 1: Общая часть. 367 с.

12. *Михайлова И.А.* 2006. Имя гражданина: понятие, значение, правовая природа // Гражданское право. № 2. С. 9–14.

13. *Морхат П.М.* 2018. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 113 с.

14. *Новицкий И.Б.* 2020. Римское право: учебник для вузов. М.: Юрайт. 298 с.

15. *Дернбург Г.* 1906. Пандекты. Общая часть. Т. 1 / пер. Г. фон Рехенберг. М. 481 с.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Российская газета. 2020. № 51.

17. Постклассическая онтология права 2016: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя.

18. *Дождев Д.В.* 1996. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, Инфра-М. 704 с.

19. *Рыжова А.А.* 2018. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий: специальность 12.00.02 «конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Пенза. 206 с.

20. *Савиньи Ф.К.* 2012. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи. 573 с.

21. Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Российская газета. 2010. – № 207.

22. Указ Президиума ВС СССР от 3 июля 1979 г. № 360-Х «Об утверждении общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28, ст. 479.

23. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263.

24. *Хвостов В.М.* 1898. Натуральные обязательства по римскому праву. М.: Университетская типография. 516 с.

25. *Хвостов В.М.* 2020. Система римского права. М.: Юрайт. 540 с.
26. *Эрлих О.* 2011. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум. 704 с.
27. Статья 63 Закона Франции № 2016-1321 от 7 октября 2016 – Текст : электронный // Сайт публикации французского законодательства «Legifrance». URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000033203260?r=BPtAiAasMZ (дата обращения 28.10.2020).